

М. Хазин

КОСТЮЖЕНЫ И ВОКРУГ

МИХАИЛ ХАЗИН

**Костюжены
и вокруг**

Рассказы, очерки, воспоминания

Михаил Хазин Костюжены и вокруг
Рассказы, очерки, воспоминания

Mikhail Khazin Costujeni and Around
(Kostyuzheny i vokrug)
Short Stories, Essays, Memoirs

Публикуется в авторской редакции

Copyright © 2015 by M. Khazin

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-940220-36-9

Library of Congress Control Number: 2015918266

Подготовка к печати и макет: M•Graphics © 2015

Фотографии в тексте: из архива автора

Дизайн обложки: Светлана Буринская © 2015

Cover Design by Svetlana Burinskaia © 2015

Использована автоцинкография Стасиса Красаускаса «Поэт»,
присланная художником автору этой книги.

Published by M•GRAPHICS, BOSTON, MA

 www.mgraphics-publishing.com

 info@mgraphics-publishing.com

mgraphics.books@gmail.com

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов
русского языка **batov's hyphenator™** (www.batov.ru)

Отпечатано в США

Михаил Хазин
*Портрет работы художника
Леонида Балаклава (Израиль)*

Бумажный мост

Письмо любви моей,
Лети, как певчий дрозд,
Лети за семь морей,
Письмо, бумажный мост.

Бумажный мост прочней
Опор, настилов, плит.
Объятия ночей
Бумажный мост хранит.

Бывает, лишь усну,
Бумажный лист ведет
В далекую страну,
А может, в дальний год.

Вся жизнь — бумажный мост,
Соизмеряй свой шаг.
Построчный путь не прост
По вехам из бумаг.

Будь крепок подо мной,
Терпи мой вес, ходьбу,
Бумажный свиток мой,
Развёрнутый в судьбу.

*Рассказы
и очерки*

ПОЦЕЛУЙ ЕВРЕЙСКОГО ПЕТРАРКИ

Когда в своей колыбели во сне улыбается спящий младенец, еврейская бабушка, из памяти которой не выветрились народные поверья, непременно скажет:

— С ним играет ангел...

А если малыш подрастет и проявит особую смышленость, редкие способности, та же бабушка скажет тоном, не допускающим возражений:

— Его поцеловал ангел.

Таким одаренным ребенком рос будущий известный еврейский поэт Самуил Галкин, которого в детстве звали просто Муля. Об одном его ошеломительном поцелуе пойдет здесь речь. Мысленно я возвращался к этой головоломной ситуации много лет.

Казалось бы, над чем тут ломать голову? Что тут может быть неясного? Поцелуй. Стоит произнести это слово вслух, как у одних вырвется невольный вздох, у других улыбка озарит лицо, у третьих в глазах запрыгают чертики. Что касается меня, готов сознаться сразу: я склонен верить ученым, что поцелуи — то, что осталось от райского языка. И, наверно, вполне справедливо, что в двадцать первом веке учредили для человечества новый праздник — всемирный день поцелуев. Есть же, есть поцелуи, пробуждающие к жизни. Помните, как в сказке разбудили Спящую Красавицу? Есть исторические поцелуи. Ну, никуда не денешься, есть и кровожадный, вампирский поцелуй графа Дракулы.

Как-то я спросил двоюродного братишку, мастеровившего воздушного змея под слова известного романа:

— Как ты думаешь, что это значит: «Лобзай меня, твои лобзанья мне слаще шоколадки»?

— Лобзай меня... — задумчиво повторил мальчишка. И высказал догадку: — Наверно, это значит «Выпиливай меня лобзиком»?

А какие трансформации переживает поцелуй в наши дни. В Италии проходят чемпионаты по спортивным поцелуям под водой. В США — соревнования на скорость и количество поцелованных. Последний рекордсмен за восемь часов перецеловал больше восьми тысяч встречных-поперечных. В книге рекордов Гиннеса, по данным на сегодняшний день, максимальная продолжительность поцелуя — сорок шесть часов с минутами и секундами. Все это время семейная пара, штурмовавшая рекорд, пила воду или сок через соломинку, не прерывая поцелуя. И даже в туалет им приходилось идти в обнимку, как-то изворачиваясь, не отрывая губ.

Тут уже балаган нашего безумного мира, райским языком и не пахнет. Поцелуй, о котором я хочу рассказать, относится к числу тех, что способны изменить и судьбу отдельного человека, и ход исторического события.

Давайте перенесемся в середину двадцатого века, на Лубянку, в чекистский застенок, где ведутся допросы с применением спецсредств. Следователи, испытанные мастера заплочных дел, работают с арестованными еврейскими писателями, общественными деятелями. Арестованных больше двадцати. Они, члены руководства Еврейского Антифашистского Комитета, во время большой войны помогали по своим еврейским каналам быстрее наладить связи с союзниками, ускорить мощный приток помощи воюющей стране из-за границы. Теперь их обвиняли в том, что они американские шпионы, предатели родины, агенты «Джойнта», империалистических разведок.

По первоначальному замыслу «верховного режиссера» будущего спектакля, готовится очередной открытый суд над новой волной врагов народа. В кабинетах следователей Лубянки изо дня в день, из ночи в ночь, из месяца в месяц отрабатываются диалоги будущего представления, ночами длится навязывание и заучивание ролей, силовое принуждение несговорчивых узников говорить то, что им велят, отвечать на вопросы в соответствии с требованиями сценария. Почти три года изо дня в день, из ночи в ночь длились палаческие репетиции, дрессировка строптивых невольников, но судить их открытым судом власти все же не решились. Судилище над ними пришлось устроить закрытое, почти

всем дали «вышку» — высшую меру. Лучших художников слова, писавших на идише, цвет еврейской интеллигенции всей державы расстреляли 12 августа 1952 года. Чудом избежал казни Самуил Галкин. Позже он говорил, что эта печальной памяти дата почти совпадает с самой скорбной датой еврейского календаря — Днем Девятого Ава. В этот день был разрушен Первый храм, через пятьсот лет — и Второй... Расстрел еврейской культуры 12 августа 1952 года можно уподобить разрушению Храма.

Но я забежал вперед. Вернемся на пару лет назад, к двум арестантам, двум мученикам, двум талантливым поэтам — Самуилу Галкину и Ицику Феферу. Оба они входили в президиум Еврейского Антифашистского Комитета. Но и поэты, и люди они были очень разные. Галкин, самоуглубленный лирик, певец любви, был прозван еврейским Петраркой. Украшением литературной биографии Галкина стал его перевод на идиш шекспировского «Короля Лира». Галкин был года на три старше Фефера. Он родился в белорусском городке Рогачеве, был рассудителен, не бросал слов на ветер. Фефер же происходил из украинского местечка Шполы, был более склонен к трибунной публицистике, к ораторским интонациям, хотя писал и задушевные, нежные стихи, ставшие песнями. В писательской табели о рангах Фефер занимал более высокую, чем Галкин, строчку как редактор газеты, как человек, которому правительство в годы войны доверило вместе с Михоэлсом отправиться за океан, в США, Канаду, Мексику с ответственной государственной миссией. Они там собирали средства для Красной Армии, рассказывали нью-йоркской аудитории о геноциде евреев. Может быть, особенно тесной дружбы между Галкиным и Фефером и не было, но взаимное уважение, несомненно, связывало их.

Правда, в ту пору Галкин еще знать не мог, что Фефер — тайный сотрудник НКВД со стажем, с конспиративной кличкой Зорин, был приставлен к Михоэлсу, чтобы следить за каждым его шагом и регулярно докладывать о нем через встречи с сотрудником советского посольства в Америке или через других связных.

В послевоенную пору готовя разгром еврейской культуры в СССР, органы госбезопасности еще до ареста убедили верного им Фефера, их многолетнего секретного информатора, огово-

рить себя, а заодно дать нужные для инсценировки показания против членов Еврейского Антифашистского Комитета. Так Ицик Фефер оказался одним из составителей «сценария» судебного процесса над ним самим и его коллегами. Феферу инкриминировали «крайний национализм», выразившийся, среди прочего, в упоминании в стихах имен Самсона, Бар-Кохбы, рабби Акивы, царя Соломона. Его обвиняли в связях с «Джойнтом» и американской разведкой. В соответствии с отведенной ему ролью фигуранта, на следствии и на суде Фефер давал показания против своих коллег, своих поделельников, сначала признавал и свою вину, однако на последнем этапе частично отказался от своих показаний. Забегая вперед, скажу, услужливое выполнение требований палачей не спасло Фефера, и его вместе с основной группой подсудимых приговорили к расстрелу. А Самуила Галкина палачи по каким-то своим, не совсем понятным, загадочным соображениям оставили в живых. Не расстреляли. А вполне могли. Что же их остановило? Галкину дали всего лишь (какое великодушие!) десять лет лагерей.

Вспомнилось ему, зэку, как он, счастливый, в середине 30-х годов приехал домой, в свой провинциальный городок Рогачев, с новеньким орденом на лацкане пиджака. Приехал триумфально. Как говорится, верхом на белом коне. Его, орденосца, торжественно встречали земляки, местные власти. Его поздравляли и стар, и млад. Все, кроме его отца. (Ордена тогда еще высоко ценились, их девальвация началась поздней.) Когда же отец с сыном вдвоем остались наедине, отец, указывая ему пальцем на орден, тихо сказал: «Сынок, ты, наверно, делаешь талантливую работу... Но твоя работа — это Авойде зоре». Муля Галкин хорошо знал иврит, в молодости писал стихи на иврите, поэтому отлично понимал — выражение «Авойде зоре», употребленное отцом, на иврите может означать и «чужая работа», и идолопоклонство. Тогда он с улыбкой любви и снисхождения обнял отца, прижал к груди, к ордену. Только в камере с зарешеченными окнами осознал Муля глубинную многозначность тех двух ивритских слов.

Через семь месяцев после суда над деятелями еврейской культуры и их расстрела умер «верховный режиссер, корифей

всех наук» — Сталин. Вскоре началась затяжная реабилитация невинно осужденных. Галкин вышел на свободу. Правда, с подорванным здоровьем. Но — выжил. Судьба подарила ему еще несколько лет жизни после тех кругов ада.

Все узники Лубянки, живые и мертвые, в их числе и Фефер, и Галкин, прошли через горнило жестоких пыток. Мордобой, бессонница, карцер. Тот карцер на деле был холодильной камерой с трубопроводной установкой, без окон, размером в два квадратных метра. Ни света, ни воздуха, вся еда — кусок черного хлеба и две кружки воды в сутки. Установка включалась, холод все время усиливался. Зэк впадал в беспамятство. Этот каменный мешок мог дать только увечье, страшный недуг, смерть.

В ту пору, когда Фефер на собственной шкуре испытывал прелести Лубянки, в Советский Союз приехал из США на гастроль певец Поль Робсон, который подружился с Фефером еще в военную пору, в недели незабываемой поездки советского поэта вместе с Михоэлсом по Соединенным Штатам. Власти оказали Робсону торжественную встречу, с объятиями и партийными поцелуями, а он заявил, что хочет видеть своих друзей — Соломона Михоэлса и Ицика Фефера. Выяснилось, однако, что Михоэлс умер, о чем не без прискорбия сообщили советские чины. А Фефер, по их словам, по горло занят, пишет мемуары. Но Робсон настаивал на встрече с поэтом. Ему обещали, что на обратном пути из Сталинграда, посещение которого входило в программу его гастрольей в стране, свидание с Фефером будет ему обеспечено. Гость отбыл в Сталинград, а еврейского поэта стали косметически готовить к встрече с выдающимся певцом. Состоялась их встреча в гостинице, куда люди в штатском доставили принаряженного узника на randevu. Оставшись наедине с Робсоном, Фефер, изобразив пальцами тюремную решетку, дал понять, откуда его доставили. Свое положение он передал жестом, не нуждающимся в комментариях: провел большим пальцем резкую линию поперек горла.

Что ни день, Робсон сталкивался с новыми сюрпризами в стране чудес — СССР. Приехав, он сказал гостеприимным хозяевам, что в программе его концертов — песни на английском

языке, негритянские спиричуэлсы, еврейские песни. Хозяева поморщились и сказали, что еврейских песен не надо.

- Почему? — поинтересовался Робсон.
- Потому, что евреев у нас мало, — ответили ему.
- А негров у вас много? — осведомился Робсон.

На следующий день, выступая в столичном Зале имени Чайковского, исполнив программные номера, Поль Робсон объявил, что споет еще одну песню в честь своих еврейских друзей — Михоэlsa и Фефера, в честь всех евреев, боровшихся с фашизмом. То была песня на идише, песня погибших с оружием в руках повстанцев варшавского гетто. Певец выучил ее в Варшаве, еще лежавшей в развалинах. «Никогда не говори, что идешь в последний путь». На том же концерте он сообщил, что его сын, Поль Робсон — младший, женится на еврейской девушке Мэрилин-Поле Гринберг, и это наполняет его радостью и гордостью. Зал наградил певца овацией.

Много лет спустя, когда стали открываться архивы, в зарубежной прессе появилось свидетельство, которое старательно замалчивала советская печать. 24 июля 1942 года в ставке под Винницей Гитлер в одной из своих застольных бесед обнаружил слова Сталина, долго лежавшие под спудом: «Сталин в беседе с Риббентропом также не скрывал, что ждет лишь того момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев, которые на сегодняшний день пока еще нужны».

Но пора вернуться к прерванному разговору о том особом поцелуе. Итак, следователь Комаров, славившийся своим палаческим умением заставить «расколоться» любого, попавшего в его лапы, ведет очередной допрос Самуила Галкина. Требуется, чтобы тот сознался, что является платным агентом «Джойнта».

Измученный Галкин стоит на своем: нет. Нет и нет.

— А если найдется свидетель, который убедительно подтвердит, что — да?

— Такого свидетеля не может быть в природе, — бормочет окровавленными, пересохшими губами Галкин.

Заранее предвкушая, в каких тисках через минуту-другую окажется Галкин, как он будет прижат к стене показанием сво-

его друга и подельника Фефера, следователь Комаров с прищуром пообещал:

— Сейчас я тебе устрою сюрприз,— и в телефонную трубку: — Введите Фефера на очную ставку.

Массивная дверь открылась, и в сопровождении конвойного шаркающей, шаткой походкой, не поднимая головы, вошел сорока семилетний, некогда самоуверенный мужчина и даже не поднял глаз, чтобы взглянуть в лицо Галкину. Галкин же, давно не видевший Фефера, во все глаза смотрел на давнего друга, на его синяки под глазами, опухшие губы, ссадины и рубцы на лысине.

Галкин смотрел на него, как в зеркало. Как в свой вчерашний и как в свой завтрашний день. Комаров раздраженным жестом, каким отгоняют назойливую муху, указал конвоиру на дверь, а Фефера не стал держать «на стойке», как часами держал на допросах свои жертвы, пока у них ноги не подкашивались. Таким же презрительным жестом указал Феферу на стул.

В нескольких шагах от него Галкин съезжился на соседнем стуле. (Редкий случай, когда Комаров разрешал сидеть тому, кто находился в процессе «его разработки».)

— Ну, подсудимый Галкин, чистосердечно признайтесь на очной ставке с подсудимым Фефером, что оба вы были платными агентами шпионской организации «Джойнт».

Галкин, чуть подавшись вперед, произнес:

— Я не подсудимый. Я — подозреваемый...

— Подозреваемые — там, на площади... толпятся в магазинах... — следователь Комаров кивнул в сторону плотно завешенных окон кабинета. — А вы, Галкин, правы: вы — не подсудимый, а можете считать, уже приговоренный. Продолжим, стало быть, работу. Повторяю вопрос. Фефер, вы подтверждаете, что вы лично, а также Самуил Галкин передавали секретные сведения в шпионскую организацию «Джойнт» и получали за это доллары?

— Да, подтверждаю,— еле слышно слетело с запекшихся, опухших губ Фефера, сидевшего, так и не подняв головы.

— Повторить громче и отчетливо! — приказным тоном следователь взнуздal Фефера. Тот повторил так внятно, как только мог:

— Да, Галкин и я давали секретные сведения «Джойнту». Оба мы были платные агенты «Джойнта».

Слова Фефера прозвучали четко, и Комаров, не скрывая прилива удовлетворенности своей работой, победно взглянул на Галкина:

— Ну?!

Что должно было пронестись в уме, в душе у Галкина в этот страшный миг, самый убийственный миг его жизни? Миг, когда с треском расколосось небо над головой, земля ушла из-под ног и разверзлась адская бездна. Миг, когда предал друг, задушена справедливость, убита надежда. Может быть, сквозь черную тоску прокралась мысль о ничтожности человеческой природы, о бессмысленной бренности бытия? А может, с щемящей болью подумалось о том, какие безграничные страдания может причинить человек человеку, особенно если этого требует мистическая сила идеологии, клана, высшей власти?

Перед Галкиным сидел затравленный доходяга. Сломленный ханурик. Перед ним сидел бывший друг Ицик Фефер, обрекавший его, Мулю Галкина, на мученическую гибель. Что они с ним сделали...

Галкин поднялся со своего места, в два-три шага приблизился к Феферу и — поцеловал его. Поцеловал в макушку, покрытую рубцами, кровоподтеками.

Сидевший за столом следователь, полковник Комаров, поначалу довольный ходом очной ставки, от неожиданности происшедшего вскочил на ноги, как подброшенный.

— Отставить! Сидеть! — рявкнул он дрожащими губами. Могло показаться, что этот внезапный, чудаковатый поступок арестанта Галкина, этот поцелуй ошеломил твердокаменного чекиста. Даже поверг в панику.

Полковник Комаров поторопился свернуть очную ставку. Приказал увести подсудимых в их камеры. В конце концов, думал он, очная ставка дала нужный результат. Фефер подтвердил все, что надо. Теперь Галкину не отвертеться. Но с другой стороны... Этот безумный поцелуй... А может, вовсе не безумный? В его памяти стойкого партийца, беспощадного чекиста всплыло, шевельнулось что-то из далекого деревенского дет-

ства, из бабушкиных рассказов о святых апостолах, о тайной вечере. Это наваждение Комаров легко прогнал. Встревожила его вполне практическая сторона дела. Не может ли эта блажь, это интеллигентское слонтяйство повредить будущему открытому процессу, на который нацелена вся его работа? Да, придется об этом поцелуе доложить начальству.

Готовя эту банду еврейских предателей и двурушников к открытому суду, Комаров ювелирно отработывал каждую реплику той пьесы, что будет разыгрываться перед публикой, перед страной и миром. Старался оттачивать каждый ответ подсудимого на вопрос, каждую мизансцену, жест. А этот нелепый поцелуй — откуда ни возьмись — одним махом сводил режиссуру на нет. Все ночные нервотрепки, кошмары подготовки очередного циркового представления могут пойти прахом. «Сколько их ни дрессируй, все мало», — мысленно чертыхнулся Комаров.

И, как ревностный службист, следователь Комаров поспешил доложить начальству о курьезном поцелуе на очной ставке двух жидов. Было в этом поцелуе униженного доходаги Галкина что-то такое, непостижимое для него, почти смешное, но все же не дававшее покоя.

Генерал выслушал донесение полковника Комарова об очной ставке и удивленно переспросил:

- Как поцеловал?
- Встал и поцеловал Фефера в голову...
- Ну и дела, — усмехнулся генерал. — За такой поцелуй могут слететь с кое-кого не только погоны, но и головы...

Рапорты о поцелуе стремительно шли все выше по ступеням инстанций, пока не достигли верховного режиссера запланированного судилища. В своей замедленной манере изъясняться верховный режиссер переспросил:

- Во время допроса он поцеловал бывшего друга, который на этом допросе топил его? Подводил его под вышку?

Получив утвердительный ответ, верховный режиссер приказал:

- Выделить дело этого Галкина в самостоятельное производство, отдельно от главарей сионистской банды.

Верховный режиссер с его звериным чутьем, надо полагать, учуял в этом странном поцелуе не просто минутный порыв, а опасный сигнал о несломленной воле заключенного.

Позже об этом поцелуе Галкина люди скажут — знак величия души. Он, этот мгновенный поцелуй, спас жизнь Галкину, которого в противном случае, несомненно, приговорили бы к расстрелу вместе с Фефером и другими его подельниками.

Но и тех, расстрелянных друзей Галкина (за редким исключением) палачам не удалось настолько выдрессировать, чтобы решиться вывести их на открытый процесс. Их судили закрытым судом, где в полной мере проявилось их несломленное человеческое достоинство, сила духа. От расправы это их не спасло, но посмертную славу дало.

А поцелуй Галкина, над смыслом которого задумываются (и будут размышлять) поколения потомков, с годами так и остается разгаданным не до самого конца, словно он, этот поцелуй, обладает библейской бездонной неисчерпаемостью.

«НАШЕ ВСЁ» И «КРЫМ НАШ»

«Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859) — так называется статья писателя Аполлона Григорьева (1822–1864), в которой впервые прозвучали эти три слова, с годами ставшие крылатым выражением: **«Пушкин — наше всё»**.

Далее Аполлон Григорьев попытался прояснить пространно и не очень вразумительно, какой именно смысл он вкладывает в свою неохватно ёмкую формулу: «Пушкин представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что останется нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужими, с другими мирами. Пушкин — пока единственный полный очерк нашей народной личности, самородок, принимавший в себя, при всевозможных столкновениях с другими особенностями и организациями, — все то, что принять следует, отстранивший все, что отстранить следует, полный и цельный, но еще не красками, а только контурами набросанный образ народной нашей личности, — образ, который мы долго еще будем оттенять красками. Сфера душевных сочувствий Пушкина не исключает ничего до него бывшего и ничего, что после него было и будет правильного и органически — нашего».

В наше время «наше всё» превратилось в некий предельно высокий титул для обозначения того, кто наиболее любим в стране, кто гениально приумножил славу ее и влияние в мире. Не так давно в ходе масштабной всероссийской дискуссии по проекту «Имя России» первое место в списке долго удерживал Сталин, высказалось мнение, что имя Сталина больше заслуживает стоять на первом месте, олицетворять Россию, что именно Сталин и его имя «наше все». Потому что Сталин «больше сделал». Пуш-

---

Этот текст впервые был опубликован на интернет-сайте Радио Свобода 20 января 2015 года. (<http://www.svoboda.org/content/article/26795485.html>)

кин и Достоевский занимали в том списке второе и третье место. Не учли болельщики «неистового Виссарионыча», что крылатая формулировка Аполлона Григорьева, в отличие от переходящего красного знамени времен совка, явно не рассчитана на переход из рук в руки, от одной личности к другой. Хотя попытки сделать этот славный венец «переходящим» упрямо предпринимаются угодливыми, подобострастными конъюнктурщиками поныне. Особенно после спецоперации «Крым наш». Рейтинг главного российского стерха, вернувшего отечеству сакральную землю исторического полуострова, взлетел так высоко, что в прессе появились толки, не провозгласить ли нового объединителя русского мира — императором державы, поскольку теперь уже он «наше всё». Но так ли всемогущи подхалимы, чтобы похитить венец с кудрявой головы поэта?

Пушкин побывал в Крыму в пору южной ссылки, всей душой полюбил и воспел этот край, хотя слово Крым, как ни странно, не встречается в его творчестве. Изредка у него попадают производные эпитеты — крымский. Между прочим, после завоевания полуострова Россией древнегреческое название — Таврида долго употреблялось как его официальное название. Герой присоединения Крыма стал с почетом именоваться Потемкин-Таврический, а не Потемкин-Крымский. Поэт, можно сказать, смаковал старинное название края. Вспомните строки из «Евгения Онегина»:

Прекрасны вы, брега Тавриды,
 Когда вас видишь с корабля
 При свете утренней Киприды,
 Как вас впервой увидел я.

И в раннем стихотворении, написанном еще до того как Пушкин увидел этот райский новоприсоединенный край, Пушкин писал: «Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,/ На утренней заре я видел Нереиду». Поэзия, литература начала XIX века использовала именно этот термин — Таврида. В одном из писем Пушкин просил прислать ему поэму С. С. Боброва «Таврида, или летний день в Таврическом Херсонесе», сочинение Ивана

Матвеевича Муравьева-Апостола (отца казненного декабриста Сергея Ивановича Муравьева-Апостола) «Путешествие по Тавриде». В «Путешествии в Арзрум» мимоходом сказано: «Здесь лихорадки похожи на *крымские* и молдавские». Это одно из редких упоминаний Крыма, попавшихся мне на глаза. Тогда как Таврида — частая гостья на страницах поэта. Тавро Тавриды... Прелестью ее пейзажей, ароматом юга пропитан «Бахчисарайский фонтан»:

Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный —
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.

На любопытные соображения наводит упоминание Крыма в поэме «Полтава»:

Но Кочубей богат и горд
Не долгогривыми конями,
Не златом, данью *крымских* орд,
Не родовыми хуторами,
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.

Пушкин вскользь касается исторического факта: украинский гетман Кочубей получал дань от «крымских орд». По-сегодняшнему говоря, от крымских татар. Получал задолго до того, как блистательный Потемкин завоевал Крым. О чем это говорит? Понимаю, строчка в поэме — не повод для далеко идущих геополитических выводов. Но все же «наше всё» четко свидетельствует: в обозримом прошлом, ещё до присоединения полуострова к России, Украину связывали с Крымом важные военно-политические нити. Не дожидалась Украина сложа руки, пока при Хрущеве ей «подарят» Крым.

Но не об этом речь. На исходе 2014 года, когда Россия в мес-сианском порыве — объединить русский мир была готова в огонь и воду ради спасения русской духовности, языка, русского пер-

вородства, — как с этим делом обстояли дела в пушкинском Крыму? Как там шло и идет спасение могучего и правдивого русского языка, реформатором и создателем которого по праву считается Пушкин? «Крым наш!» Эти два слова стали почти так же знамениты, как «наше всё». Больше того, эти два слова чудодейственно слились в одно — «крымнаш», и ведущие лингвисты России признали и провозгласили этот неологизм «словом года» — по частоте и значимости его упоминаний. От него возникли производные типа «крымнашист» и другие. Нередко это слово сопровождают споры, дискуссии, шутки. Я слышал, как один человек говорит другому: «Скажи мне, чей Крым, и я скажу, кто ты». Слышал на восторженное «**крымнаш!**» зеркальный ответ, целиком состоящий из точно тех же букв: «**намкрыш**». Что ж, попробуем выловить из новостей, что там творится в пушкинской Тавриде?

Как отнестись к такой, например, новости, обнародованной в печати со ссылкой на блогера:

«Дом Пушкина» в Симферополе, где некоторое время жил великий русский поэт, на днях был снесен ради того, чтобы построить на его месте так называемую «элитную» многоэтажку. Здание было известно жителям Симферополя как имение Де Серра, в котором Пушкин останавливался в 1820 году, когда посещал Крымский полуостров вместе со своими друзьями — семейством Раевских. Когда господин Де Серр умер в 1840 году, его владения перешли к помещику Петру Щербине, который прославился своим успешным предприятием, которое разводило различные косточковые плодовые деревья. Позже здесь были открыты местное отделение знаменитого Никитского ботанического сада и городской Детский парк. По словам очевидцев, дом был настолько добротным, что снести его с помощью одного экскаватора не получилось. Кирпичные стены, толщиной в один метр, упорно сопротивлялись вандалам. В итоге пришлось подгонять вторую единицу техники, которая, наконец, превратила историко-архитектурную ценность в кучу битых кирпичей».

По словам блогера, это особенно показательно, если учитывать, что добротный и крепкий дом теперешняя власть Крыма

практически мгновенно признала «аварийным», как только появилась заявка от инвесторов, желающих возвести в престижной парковой зоне Симферополя многоэтажный дом для богатых россиян.

По словам историков и искусствоведов, «Дом Пушкина» в Симферополе был уникальным в том смысле, что он нес в себе черты сразу двух архитектурных течений — стиля русской усадьбы и классического европейского стиля. Пока еще в этой части Симферополя сохранились дубы двухсотлетнего возраста, — весьма вероятно, что их касалась рука великого поэта.

Похожи ли эти действия новых хозяев полуострова на спасение достопримечательностей национальной культуры?

Во время боевых действий в Донецке, Луганске и вокруг пострадали также краеведческие и другие музеи, в какой-то мере связанные с «нашим всё». Из некоторых не удалось эвакуировать культурные ценности. В зоне боев они закрыты для посетителей.

Примечательный инцидент произошел с участием голландского переводчика Ханса Боланда, познакомившего свою страну с творчеством Пушкина, Ахматовой, Достоевского. Ему присудили награду — медаль имени А. С. Пушкина. Г-н Боланд получил от Федора Воронина, атташе по культуре в посольстве РФ, почетное приглашение в Кремль на церемонию вручения медали самим президентом России Владимиром Путиным. Ханс Боланд — первый голландец, которому присудили награду имени русского поэта. Эта пушкинская медаль учреждена в 1969 году как научная награда. Формулировка при вручении — «за выдающиеся научные работы в области литературной критики, теории и истории литературы». Лауреатами премии в разное время были знаменитые филологи — автор словаря Сергей Ожегов (1990) и Юрий Лотман (1993). «Делом жизни» Боланд назвал перевод полного собрания сочинений Александра Пушкина. Помимо Пушкина, славист выпустил в Голландии переводы стихов Лермонтова, Крылова, Мандельштама, Ахматовой, Гумилева, Набокова, Рейна, Ерофеева, Губермана, Бориса Рыжего, а также перевел роман «Бесы» Достоевского.

Церемония вручения премии должна была состояться 4 ноября 2014 года в День народного единства. Однако при-

знанный переводчик и славист отказался принять престижную награду. В письме г-ну Воронину он объяснил это следующим образом:

«...Будучи пламенным апостолом — более правильных слов не могу подобрать — Анны Ахматовой, к которой пропитан безграничным уважением, я должен быть твердым, когда этого требует истина. Я бы с огромной благодарностью принял оказанную мне честь, если бы не Ваш президент, поведение и образ мыслей которого я презираю. Он представляет большую опасность для свободы и мира нашей планеты. Дай Бог, чтобы его «идеалы» в ближайшее время были полностью уничтожены. Любая связь между ним (президентом Путиным) и мной, его именем и именем Пушкина для меня отвратительна и невыносима».

Отзыв Западно-Европейского интеллектуала о верховном крымнашите России достаточно понятен сам по себе и может обойтись без пространных комментариев. Очень уж он показателен, демонстрируя, как просвещенный мир относится к тем, даже самым высокопоставленным персонам, кто несёт ответственность за политическое, государственное и, конечно, нравственное нарушение правил человеческого общежития на планете Земля.

Потоки изошренной лжи крымнашистов достигли высокого градуса накала. Тотальная кремлевская пропаганда подмяла под себя не только информационные потоки, но даже все виды и жанры искусства, пытаясь поставить их в услужение идеям и подвигам того, кто в ее глазах фигурирует, как «наше всё». Эта пропаганда, ненасытная и хищная, не довольствуется какими-то посулами или хулой, кричалками, речевками, щупальца ее дотянулись даже до оперы, гармоничного высокого зрелища, которое обычно не снисходит до злободневных дрызг.

Классическую оперу обожал Пушкин, об этом он поведал потомкам:

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в Оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.

Представьте, даже щеголевато нарядную оперу крымнашисты попытались впрячь в грохочущую колесницу их похода в Тавриду. Об этом с пикантными подробностями рассказала «Новая газета — Санктъ-Петербургъ». **В Санкт-Петербурге в театре «Санктъ-Петербургъ Опера» состоялась премьера митинг-оперы «Крым», в которой под крики «заокеанским козням нет!» всех спасал Путин.**

«Попасть в зал, где играли спектакль, оказалось непросто — на входе трясли почище, чем в аэропорту. То ли из-за того, что ждали вице-губернатора с чиновниками, то ли боялись, что в оперу прорвется «Правый сектор». Возможно, и в неразберихе с местами виноваты бандеровцы... Было объявлено, что вырученные за билеты деньги пойдут в помощь беженцам из Донца. Однако по разговорам в фойе было понятно, что лишь малая толика людей покупала билеты, в основном народ шел по контрамаркам, а почти весь первый ряд был обложен табличками VIP».

Но кульминацией митинга-оперы, по словам корреспондента газеты, стало появление на сцене «действующего лица — Человека от театра». Напрямую режиссер его не решился назвать, но манерами тот очень напоминал президента РФ. Когда на сцене все становилось совсем плохо, он декламировал:

«За что, мой Крым, тебе такой удел? (...) Ты выстоял! Она твоя — победа! Но зверь коварен, ненасытен, зол, И мощь его, томясь в забвенье, крепла! Огнем он борется за дьявольский престол, Желая превратить живое в горстку пепла, Но будет суд Всевышнего и тогда За все ответит мира нечисть!!»

Когда загремела очередная автоматная очередь, женщины, обнимающие детей, закричали: «Среди врагов, среди врагов, среди врагов! Не оставляйте нас!», а дети затеребили человека, вызывавшего к суду Всевышнего, стало ясно: да, это он, президент. Бери выше — Спаситель. 12-летняя актриса Евдокия прокричала: «Но кто посмел селить нам в душу страх?! Кому дозволено лишать детей крова?! Кто разжигает грязную войну, кто стравливает мирные народы?» «Путин» обнял ее и обратился к залу: «Народа братского нежданная беда Нам разрывает душу?!»

«Да!» — ожидаемо ревет зал. «Детей, стариков разбитая судьба Вам надрывает сердце?» — «Да!» «Кто может запретить родной язык? Он наша путеводная звезда!» «Да!» — рыдает зал. «Заокеанским козням...» — «Нет!» «Не сломит нас ни ложь, ни клевета! За нами правда!» — «Да! Да! Да!»

Не правда ли, гротескно выглядит даже в газетном пересказе эта суетно-патетическая злободневная опера, надуманная и лживая по сердцевине своей, льстиво-подобострастная и беспомощно-истеричная по исполнению? Созданная во славу *крымнаш*, превозносящая почти как Небесного Спасителя — лукавого политика, принесшего много горя своей стране, поссорившего Россию с Украиной и всем Западным миром, опера эта, как говорится, дует в дуду культа личности. *Крым наш* явно столкнулся в противоборстве с «нашим всё». Угодливые царедворцы из кожи лезут вон, чтобы убедить нас — теперь он, верховный стерх, бесподобный лидер, который «всех переиграл», стал «нашим всё».

Но определение Аполлона Григорьева в сознании поколений так прочно слилось с обликом Пушкина, что любая попытка снять с него этот венец и передать другому кощунственна и смешотворна. Потому-то и попытка крымнашистов перехватить венец «нашего всё» обречена на бесславный провал.

СОДЕРЖАНИЕ

Бумажный мост 5

Рассказы и очерки

Поцелуй еврейского Петрарки 9

Эвакурели 19

Иосиф и Мигуэль 36

Как Иосиф Лахман с Абу Мазеном беседовал 45

Кармен, сестра Земфиры 50

Цветы в кандалах 59

Костюжены и вокруг

(От князя Мирского до погромщика Крушевана)

Жизнь, прожитая в сумасшедшем доме 65

Тише идишь — дальше будешь 73

Самый неизвестный Зингер 82

Наш дом 90

Несколько слов о Бригитте Коварской 142

Страницы памяти

Твардовский: присяга и отвага 195

С Булатом — по Молдове 226

Берег чести

(Григорий Поженян, каким он запомнился) 244

«Жизнь была типична, трагична, прекрасна»

(Памяти Елены Боннэр) 282

Александрю Есенину-Вольпину — 90 286

Свет лица, лицо света

(О творчестве художника Леонида Балаклава). 292

Евгений Кисин: достоинство таланта 300

Тепло руки Шолом-Алейхема

(Три неопубликованных письма Шолом-Алейхема). . . 312

Светлана Якир и ее близкие (Неопубликованная переписка Льва Кассиля, Анатолия Кузнецова с молодой писательницей)	319
Эли Визель — 80	343
Аврахам Суцкевер — человек-легенда	346
Три зарисовки о Мише Рудяке «Чтобы вам было понятно...»	356
<i>Не стяжатель</i>	357
<i>Его дающая рука</i>	360
О встречах в Польше <i>Благородный бернардин Бой</i>	363
<i>Червоны маки на Монте-Кассино</i>	367
<i>Одна кривая буква</i>	371
В искорке шутки — пламя правды (Памяти писателя Владимира Кашаева)	377
Гравюра Красаускаса	388
Дина Верни и ее кишиневские корни	393
Праведник Траян Попович	399
Пегги с улицы Friend	404
Расстрелян в день Рождества (О свержении Николае Чаушеску)	411
«Наше всё» и «Крым наш»	421

МИХАИЛ ХАЗИН родился и жил в Молдове, работал в редакции республиканского литературного журнала. Он автор книг прозы, публицистики, стихов. Его работа о Пушкине «Твоей молвой наполнен сей предел...» получила высокую оценку таких известных и разных пушкинистов, как Т. Г. Цявловская, Д. Д. Благой, С. С. Гейченко, Н. Я. Эйдельман. М. Хазин был избран председателем Пушкинского общества Молдовы.

Он продолжает заниматься литературой в Бостоне. Печатается в русскоязычной, идишской, англоязычной прессе. В США в издательстве «Hermitage» вышла его книга «Еврейское счастье», в издательстве «M-Graphics» — сборник стихов «На посошок».

В эту книгу входят новые работы автора — рассказы, очерк о психиатрической лечебнице и ее обитателях «Костюжены» (От князя Мирского до погромщика Крушевана), мемуарные эссе о Твардовском, Окуджаве, Поженяне и других писателях, художниках, людях, верных своему призванию.

ISBN 978-1-940220-36-9

9 781940 220369

9 0 0 0 0 >

M-GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com